

БЕССМЕРТНЫЕ С МЕРКУРИЯ

I

Очнувшись, Клифф Говард сразу же ощутил почти невыносимый жар. Этот жар, словно исходивший из распахнутой печной дверцы, накатывал со всех сторон и тяжелым расплавленным металлом лился на лицо, руки, ноги и туловище. Еще не успев открыть глаза, Говард почувствовал, как по закрытым векам, окрашивая их в огненно-красный, лупит яростный свет. От этого свечения болели глазные яблоки, под всепоглощающим раскаленным потоком сжималась каждая клеточка тела, а в голове что-то тупо пульсировало — может, из-за жары, а может, его кто-то ударил по голове.

Очень смутно Говард начал припоминать, что участвовал в какой-то экспедиции... где-то... Но все усилия сосредоточиться тут же пришлось бросить из-за нового необъяснимого ощущения. Он почувствовал, как то, на чем он лежит, быстро, покачиваясь и подсакивая, движется против ветра, который опалает лицо своим адским дыханием.

Говард открыл глаза и едва не ослеп: прямо над ним раскинулось белесое небо, а по бокам в это небо призрачными джиннами уплывали столпы пара. Где-то за пределами поля зрения светилось что-то огромное и палящее, и поворачивать туда голову было страшно. Внезапно он осознал, что это такое и что происходит. Память окатила его потоком образов, а вместе с памятью пришли тревога и растерянность.

Говард вспомнил, как в одиночестве отправился на прогулку в необычайные низкорослые джунгли в терминаторе Меркурия — эта сумеречная зона, узенькая полоска с теплым и влажным климатом, располагалась между раскаленными пустынями, вечно изнывающими под лучами огромного солнца, и теневой стороной планеты, где громоздились друг на друга горы ледников.

Он не успел далеко отойти от космического корабля — одолел мило, не больше, в сторону пылающего на горизонте отсвета (само

солнце оставалось полностью скрытым из-за либрации планеты). Джонсон, руководитель этой первой научной экспедиции на Меркурий, предупреждал, что не следует бродить вот так вот в одиночестве, но Говарду, ученому-ботанику, очень уж не терпелось исследовать неведомый мир, в котором они пробыли уже около недели по земному времени.

К изумлению путешественников, на Меркурии обнаружился небольшой слой разреженной, но вполне пригодной для дыхания атмосферы, которая подпитывалась влагой от испаряющихся льдов, ведь размер сумеречной зоны постоянно менялся, и по направлению к солнечной стороне все время дули сильные ветра; астронавты могли обойтись снаружи и без скафандров. Говард не ждал подвоха, поскольку робкие, похожие, скорее, на зверей местные жители не выказывали никаких признаков враждебности — при приближении человека они тут же пускались наутек. Остальные виды, насколько можно было судить, принадлежали к низшим формам жизни, часто полурастительным, а ядовитых и хищных особей исследователи с легкостью обходили стороной.

Даже огромные уродливые рептилии, похожие на саламандр, которые, по всей видимости, спокойно забредали из сумеречной зоны в раскаленные пустыни, купающиеся в лучах вечного солнца, ни на кого не спешили нападать.

Говард как раз исследовал странное растение, похожее на большой трюфель, которое обнаружил на полянке среди бледных, увешанных стручками кустарников, низко пригибающихся к земле из-за ветра. Когда ботаник дотронулся до него, оно, продемонстрировав некоторое оживление, попыталось зарыться в болотистую почву. Ботаник тыкал в него засохшей губчатой ветвью, отломанной от куста, размышляя, к какому классу отнести этот вид, а подняв голову, увидел, что вокруг стоят дикари-меркуриане. Они бесшумно подобралась к нему из грибовидных зарослей, но поначалу ученый не испугался: он решил, что туземцы просто преодолели робость и проявляют таким образом свое варварское любопытство.

То были скрюченные низкорослые существа, которые в основном ходили на двух ногах, но, перепугавшись, улепетывали прочь на четвереньках. Земляне окрестили их длукусами — именно такие кудахчущие звуки дикари часто издавали. На коже у длукусов росла чешуя, как у ящериц, а выпученные глазки покрывало что-то вроде тонкой пленки. На внутренних планетах едва ли сыщешь

других столь же отталкивающих и мерзких созданий. Но когда туземцы сомкнулись кольцом вокруг Говарда, пригнувшись и беспрестанно кудахта, он решил, что они пытаются таким образом общаться, и не вытащил свой тонанитный пистолет. В руках у них были грубые обломки какого-то черного минерала, и эти перепончатые руки тянулись к Говарду, но тот решил, что они хотят подарить ему камни в знак мирных намерений.

Выражение на уродливых лицах невозможно было понять, и дикари успели подобраться очень близко, прежде чем он наконец заподозрил неладное. Без предупреждения, совершенно спокойно и очень слаженно они накинулись на ученого, орудя своими камнями. Говард отбивался как мог, но его ударили сзади по голове, и он рухнул в небытие.

Все это он вспомнил достаточно отчетливо, но между тем моментом, когда он потерял сознание от удара, и нынешним явно произошло что-то еще. Что же случилось и куда его везут? Может, длукусы взяли его в плен? Судя по ослепительному свету и обжигающей жаре, всему этому есть лишь одно объяснение: его тащат на солнечную сторону Меркурия. А то раскаленное пятно, на которое он не осмеливался даже взглянуть, — край солнца, показавшийся над горизонтом.

Говард попытался сесть, но ему удалось лишь чуть приподнять голову. Его руки, ноги и грудь были крепко привязаны кожаными ремнями к какой-то движущейся штуке, которая приподымалась и опускалась, будто от чьего-то тяжелого дыхания. Чуть повернув голову, ученый разглядел закругленную бугристую поверхность, покрытую сетчатым узором. Что-то такое он уже видел раньше.

И вдруг он вспомнил и содрогнулся от ужаса. Его, как Мазепу в поэме Байрона, привязали к спине одного из саламандроподобных чудовищ, которых ученые с Земли окрестили теплощерами. Эти существа напоминали больших крокодилов, вот только ноги у них были длиннее, чем у любой земной рептилии. По всей видимости, их толстые шкуры каким-то удивительным образом не проводили тепло, а потому оберегали своих хозяев от высоких температур, при которых любое другое животное мгновенно бы изжарилось.

Земляне пока точно не выяснили, где именно располагается ареал обитания этих тварей, но во время короткой вылазки на корабле ближе к солнечной стороне видели теплощеров в пустынях, где вода перманентно находилась в состоянии кипения, а затекающие

из сумеречной зоны ручьи и реки тут же обращались в густые облака пара на голых раскаленных скалах.

Говард испытывал ужас — он осознавал, в каком положении оказался и какая его ожидает судьба, — но к ужасу примешивалось удивление. Наверняка это длукусы привязали его к спине ящера, но как существам, располагающимся так низко на эволюционной лестнице, хватило ума использовать ремни? Судя по всему, длукусы вполне способны были на простейшие расчеты, а также отличались дьявольской жестокостью. Очевидно, его осознанно обрекли на кошмарную, мучительную смерть.

Однако же размышлять об этом было некогда. Его теплоящер, передвигаясь неопишутыми прыжками и рывками, углублялся в жуткий ад из клубов пара и раскаленных скал. С каждым мгновением гигантский шар невыносимо белого солнца все выше поднимался над горизонтом, изливая на Говарда полыхающие жаром лучи. Бугристая шкура животного раскалилась, как решетка для гриля, и жгла ученого сквозь одежду, а когда он в ужасе пытался вырваться, нагретые кожаные ремни до боли врезались в запястья, шею и лодыжки.

Ворочая головой из стороны в сторону, он еле-еле различал острозубые скалы, проступавшие из-за завесы адских испарений. В голове все плыло, он почти бредил; казалось, кровь вот-вот вскипит у него в жилах. Время от времени Говард проваливался в чудовищное беспмятство: на него как будто падала черная пелена, но и тогда все чувства продолжал терзать всеокрушающий жар. Он словно погружался в бездонную пропасть, преследуемый безжалостными потоками огня, озерами расплавленного металла. И вместо черноты небытия его охватывал неумолимый свет.

Иногда Говард полностью приходил в себя и сразу стискивал зубы, чтобы не завопить от нестерпимой боли. Раскаленные веки обжигали глаза, когда он пытался сморгнуть; окружающее он видел теперь урывками, сквозь вращающиеся огненные колеса и полыхающие цветные пятна, будто картинки в безумном калейдоскопе.

Теплоящер шагал вдоль извилистого потока, со злобным шипением перетекавшего с одной стремнины в другую среди покореженных скал и изрезанных расщелинами склонов. Время от времени ветер сдувал на землянина полотнища и столпы раскаленного пара, которые обваривали обнаженные руки и лицо. Когда зверь

перепрыгивал через огромные трещины, разверзшиеся в накалившемся камне, кожаные ремни невыносимо впивались в тело.

Казалось, мозг в голове закипает, а кровь в жарящемся живом теле обратилась в огненный поток. Говард силился вдохнуть, но воздух обжигал легкие. Вокруг закручивались вихрями испарения, непонятно откуда долетал приглушенный рев. Теплоящер остановился, и, чуть повернув голову, Говард увидел, что животное стоит на каменистом краю бездонной пропасти, в которую рушатся в облаках пара потоки воды.

Сердце не справлялось, органы чувств отказывали, Говард из последних сил, словно умирающий, пытался вдохнуть горячий воздух. Пропасть и чешуйчатый монстр качнулись и завертелись, закрубились вихри пара, и Говарду показалось, что его странный скакун ринулся прямо в огромную, укрытую пеленой бездну.

И вдруг из обжигающего тумана всплыли какие-то демоны, закутанные в сияющие белые одежды с капюшонами, схватили его и поволокли куда-то в свою неведомую преисподнюю. Перед Говардом промелькнули странные нечеловеческие лица, его обожженной плоти коснулись неестественно прохладные пальцы, а потом все окутала тьма...

II

Говард очнулся в какой-то совершенно непонятной и дикой обстановке. Он сразу и с невероятной ясностью вспомнил, что случилось перед тем, как он окончательно потерял сознание, но нынешнего положения все это никак не объясняло.

Он лежал на спине, окутанный зеленым сиянием — успокаивающим и мягким, цвет которого наводил на мысль то ли о молоденькой травке, то ли об изумрудных морских волнах далекой Земли. Свет был со всех сторон, и сверху, и снизу, он омывал тело прохладной рябью, даруя ощущение невероятной бодрости.

Говард понял, что на нем нет одежды; он чувствовал необычайную легкость, как будто пребывал в невесомости. Не веря своим глазам, он обнаружил, что на теле нет ожогов, а еще он не ощущает боли — не осталось вообще никаких последствий, которые неизбежно должны были наступить после страшного испытания в меркурианской пустыне.

Вначале Говард не различал вообще ничего, кроме зеленого сияния, словно вокруг больше ничего и не было и он парил в огромной пустоте. Но потом он осознал свою ошибку. Вытянув руки, он наткнулся на стены и понял, что лежит в узенькой камере, крыша которой располагается всего в нескольких футах над ним. Внизу на таком же расстоянии был пол, а сам он без какой-либо поддержки лежал прямо в воздухе между ними. Загадочный зеленый свет струился со всех сторон, и потому казалось, что он завис в беспредельном пространстве.

Внезапно у него в ногах зеленое сияние померкло, сменившись ярким белым заревом, напоминавшим солнечный свет. Из этого зарева вынырнули длинные гибкие шестипалые руки, ухватили Говарда за лодыжки и осторожно вытянули из зеленой камеры. Когда его ноги, а затем и тело прошли через белый ореол, к нему вернулось ощущение тяжести, и спустя мгновение он уже стоял посреди большой комнаты, стены которой были облицованы каким-то блестящим светлым металлом. Подле него странное неземное существо закрывало дверцу, через которую Говарда и вытащили из изумрудного сияния камеры, а рядом стояли еще двое таких же, и один из них держал его одежду.

Землянин, все больше изумляясь, взгляделся в этих невероятных существ. Роста они были довольно высокого и обладали похожим на человека сложением, но при этом отличались почти богоподобной красотой и грацией, какую редко увидишь даже у прекраснейшей древнегреческой статуи.

Крылья носа, уши, губы, ладони — вообще все черты были исполнены фантастического изящества; одежды существа не носили, а их белая, полупрозрачная кожа словно сияла внутренним светом. На крупных умных головах вместо волос переплетались тяжелые отростки, переливающиеся разными цветами, — они двигались, перевивались между собой и будто жили собственной странной жизнью, как локоны горгоны Медузы. Ноги были похожи на человеческие, только сзади на пятках торчали длинные костяные шпоры.

Все трое смотрели на землянина, и их непроницаемые глаза сверкали, точно алмазы, но были холоднее далеких звезд. В довершение всего тот, который только что закрыл дверцу камеры, обратился к Говарду высоким и мелодичным голосом, похожим на звуки флейты, и поначалу непонятная речь оказалась, к изумлению землянина, безупречным английским:

— Мы полагаем, что ты уже полностью оправился от пережитого. Тебе повезло: мы наблюдали в визиры, как дикари схватили тебя и привязали к спине гроко — вы называете их теплощерами. Дикари приручают этих зверей: сами они не умеют добывать огонь, но при этом весьма своеобразным образом используют склонность гроко бродить по ужасным пустыням на солнечной стороне. К спинам зверей привязывают пленников — иногда представителей враждебных племен, а иногда и своих же соотечественников; ящеры заходят в раскаленную пустыню, и жертвы поджариваются живьем; как бы сказали вы, до хрустящей корочки. Потом ящеры возвращаются к своим хозяевам, и те пожирают запеченное мясо. К счастью, нам вовремя удалось освободить тебя, поскольку гроко приблизился к одному из входов в наши пещеры. Когда мы тебя нашли, твое тело покрывали обширные ожоги, ты определенно погиб бы из-за них, если бы мы не подвергли тебя исцеляющему излучению зеленой камеры. Об этом излучении, да и о многих других тоже, вашим ученым неизвестно; оно также обладает занимательным свойством — создает поле невесомости. Именно поэтому ты не чувствовал там собственного веса.

— Где я нахожусь?! И кто вы такие?! — воскликнул Говард.

— Ты находишься под поверхностью Меркурия. Я Агвур, ученый и знатный муж, мой народ повелевает этой планетой. — Тон меркурианина сделался надменным, как будто он поучал неразумного ребенка: — Мы называем себя оумниси, мы древний народ, весьма искусный в тайнах природы. Чтобы защититься от солнечной радиации, которая, разумеется, воздействует на Меркурий гораздо сильнее, чем на более удаленные планеты Солнечной системы, мы обитаем в пещерах, чьи стены облицованы металлическим сплавом нашего собственного изобретения. Даже тоненький лист, изготовленный из этого сплава, не пропускает вредоносные лучи, а ведь некоторые из них легко проникают сквозь любые другие виды материи. Выходя во внешний мир, мы облачаемся в защитные костюмы из этого же сплава; на нашем языке он называется моуффа. Таким образом мы всегда защищены от солнечной радиации и потому практически бессмертны и не подвержены недугам, поскольку в природе смерть и распад являются результатом определенного солнечного излучения, частоту которого не способны зафиксировать ваши приборы. Наш сплав тем не менее пропускает благотворные лучи, необходимые для жизни; при помощи аппаратов, работающих по принципу радио, мы транслируем эти лучи в наши пещеры.

Говард поспешил поблагодарить Агвур. Голова шла кругом от изумления, и мысли мчались наперегонки от одной невероятной гипотезы к другой.

Быстрым и изящным жестом Агвур отмел все его благодарности. Вперед выступил меркурианин с одеждой Говарда и с проворством хорошо вышколенного камердинера помог землянину облачиться.

Говарду хотелось задать еще сотню вопросов, ведь земные ученые даже не подозревали о существовании столь разумной и высокоразвитой расы. Больше всего ему было любопытно, как Агвур умудрился так замечательно выучить английский язык. И меркурианин будто телепатически уловил невысказанный вопрос.

— Мы обладаем множеством весьма хитроумных приборов, — объяснил он, — и с их помощью видим и слышим, а иногда даже воспринимаем иными чувствами образы на весьма больших расстояниях. Мы уже давно изучаем ближайшие к нам планеты — Венеру, Землю и Марс — и часто забавы ради слушаем, как переговариваются люди. Благодаря нашему развитому мозгу, который значительно превосходит ваш, выучить земной язык для нас ничего не стоит, и уж конечно наука, история и социология твоего мира для нас все равно что открытая книга. Мы следили за приближением вашего эфирного корабля из космоса, а потом, после посадки, — и за вашей экспедицией.

— Далеко ли отсюда космический корабль? — спросил Говард. — Вы ведь наверняка можете помочь мне на него вернуться.

— Сейчас мы на целую милю ниже поверхности Меркурия, — ответил Агвур, — а та часть сумеречной зоны, где приземлился твой корабль, располагается где-то милях в пяти, туда можно добраться по туннелю, ведущему вверх к небольшому выходу из естественной пещеры, откуда корабль видно невооруженным глазом. Несомненно, участники твоей экспедиции заметили эту пещеру и приняли ее за звериное логово. После вашего приземления мы специально завалили этот выход камнями и обломками, но их легко убрать. Что же касается твоего возвращения... Боюсь, это вряд ли целесообразно. Ты должен стать нашим гостем — возможно, навсегда. — Голос его зазвучал резче: — Мы не желаем, чтобы о нашем существовании стало известно исследователям с Земли. Мы хорошо изучили ваш мир и знаем, как вы ведете себя с жителями Марса и Венеры, как заявляете права на их территории, а потому думаем, что неразумно было бы показываться людям — вы слишком

любопытны и алчны. Нас не так уж и много, и мы хотели бы по-прежнему жить в мире, чтобы нас не тревожили.

Не успел Говард возразить, как их разговор прервался совершенно необычайным образом. Громкий и повелительный голос, звонкий, как пение трубы, зазвенел из ниоткуда прямо у него над ухом. Говард невольно вздрогнул, а трое меркуриан застыли, благоговейно внимая. Голос говорил почти целую минуту, быстро, надменно, повелительно. Говард не различил ни единого слова: сама фонетическая структура речи казалась ему странной и чуждой. Но он весь похолодел, ибо в этом внушительном голосе чувствовалась суровая и безжалостная власть.

Закончилась речь на высокой резкой ноте, и внимавшие ей меркуриане сделали странный жест головой и руками, словно выражая готовность подчиниться верховной воле.

— Это наш повелитель и главный ученый Оунаводо только что говорил с нами из своих покоев на нижних уровнях, — пояснил Агвур. — Несколько часов он обдумывал сложившееся положение и наконец определил твою судьбу. В некотором роде я сожалею о его решении, оно кажется мне чересчур суровым, но распоряжениям шола — так мы зовем своего древнего властителя — нужно беспрекословно подчиняться. Попрошу проследовать за мной, по дороге я все тебе объясню. Повеление следует выполнить незамедлительно.

В недоумении, к которому примешивался и страх, Говард вышел вслед за Агвуром в большой туннель. Этот туннель казался бесконечным; повсюду, будто из ниоткуда, лился яркий свет, — видимо, те самые транслируемые солнечные лучи, о которых рассказывал меркурианин. Как и в комнате с зеленой камерой, стены здесь тоже были облицованы светлым металлом.

Пол в туннеле полого шел под уклон, а за дверью стояла странная машина в форме лодочки на колесиках или роликах. Агвур занял место на носу и махнул рукой Говарду, чтобы тот встал рядом. После этого остальные оумнисы заняли места на корме, Агвур потянул за изогнутый рычаг, и машина быстро и абсолютно бесшумно заскользила вниз по бесконечному туннелю.

— Туннель ведет наверх, к выходу рядом с твоим кораблем, — объяснил Агвур, — а также вниз, в сердце наших подземных владений. Если случится худшее — а я опасаясь, что так и произойдет, — тебе удастся увидеть лишь малую толику подземного лабиринта, где мы обитаем вот уже много столетий, не ведая болезней и старости.

Мне очень жаль — я надеялся забрать тебя в свои лаборатории на нижних уровнях. Ты бы послужил мне... для неких биологических исследований. — И он невозмутимо продолжил лекцию: — Оуна-водо приказал выплавить и отлить в формы определенное количество моуффы, чтобы изготовить новые костюмы. Этот сплав много тысячелетий назад изобрели наши металлурги, и в него входит не менее шести различных элементов, а существует он в двух разновидностях: из одной делают панели для облицовки стен, а другая идет исключительно на производство костюмов. В обе разновидности, чтобы добиться совершенного результата, нужно добавлять седьмой компонент — небольшую примесь живой протоплазмы, которая попадает в расплавленный металл прямо в горниле. Именно так моуффа становится совершенно непроницаемой для смертоносных солнечных лучей, но почему это происходит — до сих пор остается загадкой для наших ученых мужей. Когда выплавляется моуффа для сравнительно тяжелых стальных панелей, можно обойтись протоплазмой низших форм жизни, например гроко или полуживотных дикарей из сумеречной зоны, а также других созданий, которых мы отлавливаем или выращиваем в своих подземельях. Но та разновидность моуффы, которую используют для легких и гибких костюмных пластин, требует протоплазмы высшей формы жизни. К сожалению, когда настает пора изготовить новую порцию сплава, чтобы заменить износившиеся костюмы, нам приходится жертвовать одним из своих соплеменников, хотя нас и так мало. По возможности мы выбираем тех, кто каким-либо образом нарушил наши законы, но подобное случается редко, и чаще всего жертв приходится определять при помощи обряда. Оуна-водо внимательно изучил тебя через визир и решил, что твой вид достаточно высоко располагается на эволюционной лестнице и твоя протоплазма вполне подойдет для изготовления следующей партии моуффы. Во всяком случае, он думает, что в интересах науки стоит попробовать. Однако же, чтобы тебе не показалось, будто с тобой обошлись несправедливо или твои права ущемлены, тебе, точно как и другим избранным, будет дарован шанс спастись. Обряд выбора мы тебе объясним.

Пока Агвур рассказывал, лодочка мчалась по бесконечному наклонному туннелю; несколько раз им попались похожие транспортные средства, управляемые белокожими обнаженными бессмертными, чьи змеиные локоны развевались от быстрой езды. Время от времени мелькали боковые ответвления, несомненно

ведущие в какие-то пещеры, а через пару миль попалась большая развязка, где под углом от главного туннеля отходили вверх еще два рукава. Потрясенный и испуганный рассказом Аггура, Говард, однако, тщательно запоминал, куда они едут.

Он ничего не сказал меркурианину и чувствовал себя совершенно беспомощным во власти этих представителей сверхрасы, чьи научные достижения и возможности были пока землянам недоступны. Говард лихорадочно и отчаянно перебирал в голове разные варианты и решил, что лучше пока притвориться покорным. Рука инстинктивно дернулась к карману, в котором лежал маленький тонанитный пистолет с двенадцатью смертоносными взрывными теплотзарядами, и с ужасом, но едва ли с удивлением Говард понял, что пистолета в кармане нет.

Это движение не укрылось от Аггура, и по нечеловечески умному лицу ученого скользнула загадочная презрительная улыбка. Отчаявшийся Говард подумал, не выпрыгнуть ли из лодочки, но на такой скорости он бы просто разбился насмерть или покалечился.

Туннель закончился в большой пещере с ровным полом и многочисленными проемами в стенах, через которые сновали туда-сюда оумнисы. Там лодочку оставили, и Говард вслед за Аггуром проследовал через один из шести выходов в другую большую пещеру, где, выстроившись полукруглыми рядами, стояли около пятидесяти белокожих оумнисов.

Все они молча смотрели в противоположную стену, но, когда Аггур подвел Говарда к переднему ряду, многие оглянулись, и на их лицах читались странное любопытство и презрение.

Аггур жестом велел землянину встать в строй, и тот, выполнив приказ, наконец увидел, на что смотрят все оумнисы. По всей видимости, это было какое-то необычайное растение без корней, с пузатым желтоватым стволом или туловом, напоминающим ферокактус. От высокого, в человеческий рост, ствола отходили безлистные ветви цвета позеленевшей меди, покрытые белыми колечками; переплетенные отростки неподвижно лежали на полу пещеры.

— Это растение называется роккалим, — пронзительным шепотом пояснил Аггур. — С его помощью мы выбираем из собравшихся того, кого следует бросить в горнило с расплавленной моуффой. Ты видишь, что, кроме тебя, здесь около пятидесяти кандидатов, которые удостоились подобной чести; каждый из них тем или иным образом навлек на себя неудовольствие Оунаводо или же дал повод

усомниться, что приносит пользу обществу. Вы должны, один за другим, обойти вокруг роккалима так, чтобы оказаться поблизости от его чувствительных гибких ветвей, и растение дотронется кончиком побега до того, кому суждено стать жертвой.

Говарда от этой зловещей перспективы пробрал озноб, но последовавшая затем церемония была настолько дикой, что он почти позабыл о грозившей ему опасности.

Оумнисы, стоявшие в его ряду, по одному молча выступали вперед и медленно обходили вокруг странного растения, держась в нескольких футах от неподвижных ядовито-зеленых ветвей, напоминавших сонных, свернувшихся кольцами змей. Роккалим не двигался и не проявлял никаких признаков жизни; избранные один за другим заканчивали свой круг и переходили в дальний конец пещеры, чтобы понаблюдать оттуда, как то же самое проделывают остальные.

Где-то два десятка белокожих бессмертных завершили обряд, и вот настал черед Говарда. Он решительно двинулся вперед; происходящее казалось ему скорее нереальным и нелепым, чем страшным. Оумнисы застыли, как алебастровые статуи, и не издавали ни звука; было тихо, только где-то приглушенно гудели далекие подземные механизмы.

Говард медленно двигался по кругу, с возрастающим напряжением наблюдая за зелеными ветвями. Он успел одолеть с полпути, как вдруг больше почувствовал, чем увидел мгновенную яркую вспышку, которая обрушилась с потолка пещеры и пронзила желтоватый кривой ствол роккалима. Вспышка эта длилась меньше секунды, и Говард не мог бы с уверенностью сказать, не померещилось ли ему.

И тут, вздрогнув от ужаса, он увидел, что переплетенные щупальца-ветви задрожали, задержались, оторвались от пола и потянулись к нему. Они все тянулись и тянулись, поднимались, распрямлялись, словно длинные побеги водорослей, увлекаемые океанским течением. В конце концов они добрались до него, любопытными змеями заскользили по телу, холодными и влажными ядовито-зелеными кончиками коснулись лица.

Говард отпрянул от переплетающейся массы и увидел, что рядом уже стоит Агвур. В лице меркурианина проглядывало неземное злорадство, а переливающиеся змеекудри приподнялись над головой, дрожа от странного оживления, словно побеги роккалима.

И Говард внезапно понял, что его судьба была предрешена: мгновенной вспышкой из неизвестного источника оумнисы пробудили растение и заставили двигаться его ветви-щупальца.

Землянина охватил гнев, который он, впрочем, подавил. Следовало проявить осторожность, дожидаться подходящей возможности, пусть даже самой призрачной, и сбежать. Он сделает вид, что подчинился, — как знать, вдруг его пленители потеряют бдительность.

В пещеру вошли несколько меркуриан, вооруженных длинными сияющими трубками наподобие духовых, и встали вокруг него. Те, кто вместе с ним участвовал в обряде, разошлись кто куда.

— Мне жаль, что выбор пал на тебя, — сказал Агвур. — Но смерть твоя будет быстрой, и время почти пришло. Нужно завершить выплавку и разлить металл по формам, чтобы произвести тонкие и ковкие листы, пока не наступил следующий цикл темноты и отдохновения. У нас осталось чуть меньше часа. Этот цикл длится три часа и наступает через каждые тридцать три часа: во всех туннелях и пещерах погаснет свет, и почти все оборудование остановится, ведь оно в основном работает на солнечном излучении.

III

Потрясенного и оторопевшего Говарда вывели через проем в противоположном конце пещеры в туннель, шедший, по всей видимости, параллельно основному, по которому они ехали. Агвур шагал рядом с землянином, а стражи-оумнисы — позади и впереди. Говард решил, что их блестящие полые трубки — это какой-то неизвестный ему вид оружия.

Чем дальше они шли, тем громче становилось загадочное гудение. Дальний конец коридора, куда они и направлялись, был освещен огненно-красным. В воздухе витали странные металлические запахи, а приятное тепло стало несколько жарче.

Они миновали проем в стене, и Говард успел заметить за ним большой зал, где в глубине рядами высились сияющие цилиндры. Перед этими неведомыми механизмами стоял и внимательно следил за огромным шаром на тонкой шарнирной стойке меркурианин; шар почти полностью заполняла жидкая чернота, так что лишь сверху оставался узкий сияющий краешек. Рядом была установлена

наклонная панель со множеством рычажков и переключателей, изготовленных из прозрачного материала.

— Все осветительные приборы в наших пещерах управляются оттуда, — небрежно похвалился Агвур. — Когда шар целиком почернеет, солнечный свет отключится на три часа, которых нам хватает для сна и отдыха.

Они добрались до конца туннеля. У пораженного Говарда перехватило дыхание, и он застыл, изумленно моргая и глядя на источник ослепительно-красного света.

Перед ними открылась пещера до того огромная, что потолок ее терялся в ярком сиянии и походил на небо. В ней теснились исполинские механизмы разнообразных форм: одни — приземистые и невзрачные, другие — в форме гигантских шаров и усеченных конусов, а в самой середине возвышалась двухпалубная платформа из черного камня футов тридцать высотой, из которой торчало множество черных металлических труб, уходящих в пол, из-за чего платформа напоминала громадного паука. Из самого ее центра огромным столбом бил вверх рубиново-красный луч, в свете которого, странно поблескивая, копошились оумнисы, казавшиеся отсюда маленькими букашками.

Прямо у входа в циклопический зал стояло что-то вроде вешалки, на которой висело около дюжины костюмов из моуффы. С виду — простые комбинезоны со странными входящими друг в друга застежками на груди, разновидности «ласточкин хвост». Для головы предназначался большой свободный шлем с полукруглой плоской-визором на уровне глаз, которую каким-то образом умудрились сделать прозрачной.

Агвур и стражи надели костюмы — очень гибкие и легкие, отметил Говард. Ему, наоборот, приказали раздеться.

— Расплавленная моуффа испускает опасное излучение, — сообщил Агвур. — Для тебя это не важно, а меня и моих спутников защитят от него костюмы, как защищают и от смертоносных солнечных лучей.

Говард разделся и сложил одежду рядом со стойкой. Он по-прежнему делал вид, что смирился, а сам лихорадочно думал, как ему спастись, и внимательно приглядывался ко всему; между тем под зловещий ритмичный стук и бормотание необычайных механизмов его повели вперед. Сбоку к чернокаменной платформе крепилась крутая винтовая лестница. Поднимаясь по ней, землянин

заметил, что на нижней палубе располагаются широкие и неглубокие изложницы: несомненно, в них разливали раскаленный металл, чтобы, остыв, он превратился в большие листы.

Когда Говард взошел на верхнюю палубу, его окатило едва выносимой жарой и ослепило ярко-красным светом. Горнило зияло круглой дырой футов пятнадцати в поперечнике. И почти до краев она была заполнена нестерпимо сияющим расплавленным металлом, который под действием неведомой силы медленно завихрялся небольшими водоворотами. Черный камень охлаждал босые ноги: должно быть, он не проводил тепло.

Возле горнила стояла дюжина оумнисов в блестящих костюмах из моуффы. Один поворачивал небольшое и причудливое колесико, под наклоном приделанное к верхушке низкой колонны, — видимо, так регулировалась температура в горниле, потому что в ответ на его движения металл вспыхнул чуть ярче, а водовороты завертелись чуть быстрее.

Лишь это колесико, да еще несколько рычагов, торчавших из длинных зазубренных каменных пазов, — никаких других механизмов на платформе не было, а сама она, казалось, была выточена из цельной каменной глыбы; к ней крепилась небольшая плита длиной футов десять и шириной фута два, конец которой подходил к самому краю горнила. Говарду велели встать на нее.

— Через минуту эта плита начнет двигаться, — сказал Агвур, — наклонится и сбросит тебя прямо в моуффу. Если хочешь, мы дадим тебе сильнодействующий наркотик, и ты не почувствуешь ни страха, ни боли.

Охваченный ирреальным ужасом, Говард машинально кивнул, безнадежно цепляясь за любую отсрочку. Может... Даже если... Возможно, у него есть шанс, хоть этот невероятный план ему самому казался просто смешным.

Землянин вновь посмотрел на жуткое горнило и вдруг узрел нечто совершенно необъяснимое. Прямо над дальним краем из ровного гладкого камня медленно, дюйм за дюймом, выросла фигура меркурианина, и вот он уже стоит на платформе, высокий, бледный, нагой и очень надменный. Пораженный Говард задохнулся от изумления, а загадочный призрак величественно шагнул вперед и завис в воздухе над кипящим металлом.

— Это шол Оунаводо, — благоговейно объяснил Агвур. — Сам он находится за много миль отсюда, в нижних пещерах, но спроецировал свой образ, чтобы присутствовать на церемонии.

Один из стражей выступил вперед и протянул Говарду неглубокую тяжелую чашу из похожего на бронзу металла, до краев наполненную бесцветной жидкостью.

— Наркотик начинает действовать сразу же, — сказал Агвур, словно пытаясь его подбодрить.

Говард украдкой оглянулся, взял чашу и поднес к губам. Прозрачный наркотик ничем не пах и был густым, словно вязкое масло.

— Поторопись, — предостерег его Агвур. — В плите установлен счетчик времени, и он уже запустился.

Говард понял, что плита, словно длинный язык, вместе с ним медленно поползла к горнилу и уже чуть-чуть накренилась.

Он напряг мускулатуру, спрыгнул с плиты и швырнул тяжелую чашу в лицо оказавшемуся рядом Агвуру. Меркурианин пошатнулся, и Говард, воспользовавшись его замешательством, наскочил на него, оторвал от пола и зашвырнул на поднимающуюся плиту; оглушенный оумнис, не успев ничего предпринять, скатился по наклонной прямо в раскаленный добела металл. Раздался всплеск, и Агвур исчез. Моуффа еще больше забурлила и завихрилась.

На миг все собрание оумнисов застыло металлическими статуями; проекция шола, который с непостижимым выражением лица наблюдал за церемонией, зависнув прямо над горнилом, даже не двинулась. Говард ринулся на ближайших к нему стражей и раскидал их в стороны, пока они не успели поднять свои трубки. Добежав до не огороженного края платформы, он увидел, что несколько оумнисов хотят перехватить его перед лестницей. До второй палубы было футов двенадцать, и он побоялся прыгать босиком. Выхода не было — оставалось лишь спуститься по одной из странных изгибающихся труб, соединяющих верхнюю палубу с полом пещеры.

Абсолютно гладкие трубы, каждая дюймов десять в диаметре, были изготовлены из темного металла и не имели сочленений. Оседлав ближайшую, Говард торопливо заскользил вниз.

Его стражи подбежали к краю; Говард спускался лицом к ним и видел, как двое бессмертных нацелили на него свое оружие. Из полых трубок прямо в беглеца полетели сияющие огненно-желтые шары. У одного случился недолет; шар краешком задел большую трубу, и та мгновенно расплавилась, словно к ней поднесли гигантский паяльник. Увернувшись от второго, Говард заметил, как капает расплавленный металл.

Остальные оумнисы тоже прицелились, и на землянина обрушился дождь из ужасных огненных шаров, но Говард уже скользил